

Гу Чуюй сидела на диване в просторной и удобной зоне отдыха кабинета Цзин Мяои, прижимая к себе мягкую подушку. На планшете шло самое популярное сейчас аниме.

Экран пестрел яркими красками, сюжет был динамичным, но её внимание рассеивалось.

Её взгляд то и дело невольно скользил к фигуре, сосредоточенно работавшей за письменным столом.

Лучи заходящего солнца, словно золотые песочные часы, лились сквозь огромное панорамное окно, очерчивая тёплым ореолом холодный, изящный профиль Цзин Мяои.

Та чуть приопустила веки, длинные густые ресницы отбрасывали лёгкую тень под глазами. Она внимательно изучала документы в руках и лишь изредка поднимала прозрачно-холодные, миндалевидные глаза, рассеянно скользя взглядом по направлению к Гу Чуюй.

Взгляд этот был спокоен, почти безэмоционален, но каждый раз заставлял сердце Гу Чуюй вздрагивать, будто его задевала невидимая нить.

Она быстро опускала голову, делая вид, что увлечена аниме, но её уши предательски розовели.

В голове снова, независимо от воли, всплыл тот ледяной, почти уничтожающий взгляд с банкета.

Цзин Мяои в тот миг была чужой, пугающе незнакомой.

Но...

Гу Чуюй украдкой подняла ресницы и снова взглянула на неё.

Сейчас, в тёплом свете заката, агрессия, исходившая от Цзин Мяои, казалась смягчённой мягким освещением, остались лишь успокаивающая сила и уверенность.

Страх, оставшийся после того взгляда, странным образом, день за днём, в этой плотной, всепроникающей «заботе» постепенно таял, сменяясь более глубоким, почти фатальным наслаждением.

Ей казалось, что, возможно, так... даже неплохо.

Быть под такой, почти маниакальной защитой и опекой.

Словно птица, тщательно выхоженная в золотой клетке, которой не нужно бояться бурь, а

только наслаждаться лакомствами и лаской хозяина.

Кто такой Лин Яо?

Тот нелепый месячный «договор»?

Казалось... это стало уже очень далёким и смутным.

Она утопала в этой, на вид спокойной, но на деле наступающей «заботе» Цзин Мяои, как лягушка, которую медленно варят в тёплой воде. Всё её тело пронизывала ленивая теплота, постепенно лишая желания и способности сбежать.

...

Это ощущение «лягушки в тёплой воде» в следующие дни стало ещё более явным и глубоким.

«Забота» Цзин Мяои вышла на новый уровень, больше не ограничиваясь встречами и угощениями.

Словно искуснейший стратег, она, не привлекая ни единого солдата, бесшумно захватывала каждый уголок жизни Гу Чуюй.

Однажды Гу Чуюй проснулась после обеда, сидела на кровати, укутавшись в мягкое шёлковое одеяло, и рассеянно смотрела в окно.

Она лишь пробормотала в пустоту: — Кажется, в последнее время я плохо сплю. Может, шторы плохо затемняют?

Голос был очень тихим, скорее похожим на сонное бормотание.

В тот момент Цзин Мяои сидела в кресле у окна её комнаты, обрабатывая почту на ноутбуке. Услышав это, она даже не остановила пальцы, стучащие по клавишам, лишь едва слышно хмыкнула, словно не придав значения.

Однако на следующий день, когда Гу Чуюй вышла из мастерской и вернулась в спальню, она с удивлением обнаружила, что все шторы вместе с тюлем были заменены.

Новые шторы оказались более глубокого, тёмно-синего цвета, тяжёлой, струящейся ткани. Когда их задёргивали, комната погружалась в почти абсолютную темноту — идеальную для сна.

К тому же и цвет, и изящный, неброский узор были именно такими, какие она любила больше всего.

Она застыла посреди комнаты.

Дядя Чэнь, улыбаясь, стоял в дверях и объяснил: — Мисс Гу, это госпожа Цзин лично выбирала ткань и проследила, чтобы сегодня утром их заменили.

Гу Чуюй тихо ахнула, и в груди что-то мягко толкнулось, разливая кисло-сладкое тепло.

Она подошла к окну, провела рукой по прохладной, гладкой ткани. Невыразимое чувство заполнило грудную клетку.

Она ведь просто... обмолвилась.

Даже она сама не придавала значения своим словам, а Цзин Мяои услышала и с максимальной скоростью превратила эту невольную жалобу в реальность.

Это чувство, что тебя ценят безмерно, заставляло кончики пальцев дрожать и одновременно рождало странное, как будто паришь над облаками, ощущение нереальности.

Она всё больше убеждалась, что Цзин Мяои плетёт из бесчисленных деталей нежную сеть, накрывая её.

И она упивалась этим.

...

Подобные «мелочи» случались постоянно.

Повинуясь внезапному порыву, Гу Чуюй попыталась приготовить забавное пирожное по видеоуроку. Закончилось всё, разумеется, разрушенной кухней и провалом.

Она надула губы и сердито уставилась на кучу неудачных «творений».

Цзин Мяои вернулась с работы, проходя мимо кухни, взглянула на царивший там хаос и на испачканное мукой, надутое лицо Гу Чуюй, но ничего не сказала.

Зато на следующий день Гу Чуюй увидела на журнальном столике в гостиной то самое пирожное, которое пыталась сделать вчера, — идеальной формы, искусно выполненное. Оно было от одного кондитера, запись к которому в городе достать было чрезвычайно трудно.

Она взяла маленькую ложку, осторожно зачерпнула кусочек и отправила в рот. Сладко, но не приторно — именно её любимый вкус.

Она подняла голову и посмотрела на Цзин Мяои, которая в это время меняла обувь в прихожей.

Цзин Мяои, будто почувствовав её взгляд, подняла глаза. Взгляд оставался спокойным, словно она сделала что-то совсем незначительное.

Гу Чуюй же чувствовала, как сладость растекается во рту, достигая самого сердца.

Она начала привыкать и даже зависеть от этой молчаливой, но вездесущей «заботы».

Её пристрастия, привычки, все тонкие эмоциональные колебания, казалось, безошибочно улавливались, анализировались и получали самый подходящий отклик.

Этот отклик никогда не был шумным, но всегда бил в самую точку.

Ей больше не нужно было, как раньше, через капризы и скандалы проверять границы дозволенного Цзин Мяои, выманивая её внимание.

Потому что внимания, которое давала ей Цзин Мяои, теперь было с избытком, оно плотно окутывало её, не оставляя места для побега и позволяя... спокойно тонуть.

...

Резким контрастом на этом фоне становилось всё более слабое «присутствие» Лин Яо.

Проблемы Корпорации Лин, очевидно, были серьёзнее, чем говорили в новостях.

Лин Яо звонил Гу Чуюй всё реже: сначала раз-два в день, потом раз в два-три дня.

И в этих редких звонках сквозила едва сдерживаемая усталость и тревога.

— Чуюй, прости, в последнее время в компании слишком много дел, я...

— Мм, ничего, занимайся своими делами. — Гу Чуюй держала телефон, откинувшись на мягкий диван в домашнем кинотеатре, не отрывая глаз от огромного проекционного экрана, и отвечала рассеянно.

На том конце провода Лин Яо, казалось, хотел сказать ещё что-то, но на фоне слышался голос ассистента, торопящего на совещание.

Он лишь быстро бросил: — Береги себя, как только разгребу дела, обязательно всё компенсирую.

— Хорошо.

Положив трубку, Гу Чуюй не почувствовала ни капли разочарования или недовольства.

Она безразлично отбросила телефон в сторону, взяла пульт и перемотала фильм.

Все её мысли уже были захвачены судьбой персонажей на экране, а сгорающий от проблем Лин Яо, казалось, остался в каком-то другом мире.

Изредка она вспоминала о том «договоре».

Удовольствие, с которым она тогда, смешивая обиду и вызов, предложила эту идею, давно испарилось.

Сейчас, оглядываясь назад, это казалось лишь ребячеством и глупостью.

Она даже не понимала, почему тогда думала, что использовать Лин Яо, чтобы поддеть Цзин Мяои, — хорошая идея.

Ведь... сама Цзин Мяои была той, кто лучше всех мог задеть её чувства и подарить ей предельное чувство безопасности.

Лин Яо?

Он был словно неуместный захватчик, который мелькнул в её жизни на миг, подняв ничтожную рябь, а затем, под бесшумным, мощным напором Цзин Мяои, исчез бесследно.

Что с ним сейчас, сгорает ли он на работе, помнит ли о том «договоре» — для Гу Чуюй уже не имело значения.

Её мир уже был перенастроен Цзин Мяои, и, с абсолютным центром в ней же, медленно, но неуклонно вращался.

...

Этим вечером Гу Чуюй, приняв душ, вышла из ванной в шёлковой ночной рубашке, с мокрыми волосами.

Она привычно хотела пойти за феном, но увидела, что Цзин Мяои сидит перед её туалетным столиком, держа в руках тот самый фен, и жестом подзывает её.

Гу Чуюй на миг застыла, а затем послушно подошла и села на коврик перед Цзин Мяои, спиной к ней.

Загудел фен, тёплый воздух оведал её кожу головы и волосы.

Пальцы Цзин Мяои, прохладные, перебирали её влажные пряди. Движения были не особенно умелыми, даже немного скованными, но сила нажима была идеальной — не тянула и не причиняла боли.

Гу Чуюй довольно прищурилась, как кошка, которую гладят, готовая замурлыкать.

Она чувствовала, как кончики пальцев Цзин Мяои иногда касаются её уха или шеи, вызывая лёгкую дрожь.

В воздухе смешивался цветочный аромат её шампуня и тот уникальный, холодный, но манящий запах самой Цзин Мяои.

Два запаха переплетались, создавая необычайно интимную и двусмысленную атмосферу.

Никто не говорил.

Только шум фена и их тихое, ровное дыхание.

Сердце Гу Чуюй в этом пространстве, полном шума и тишины одновременно, сбилось с привычного ритма.

Она украдкой взглянула в зеркало перед собой на стоящую сзади Цзин Мяои.

Выражение лица Цзин Мяои по-прежнему оставалось сосредоточенным и спокойным, губы слегка сжаты, прозрачно-холодные глаза опущены. Она аккуратно расчёсывала её длинные волосы, словно обращаясь с бесценным произведением искусства.

В этот момент Гу Чуюй ясно осознала: она всегда жаждала именно этой уникальной, молчаливой защиты.

Пиджак, накинутый на неё на банкете, вонтоны, купленные глубокой ночью, нарисованное для неё звёздное небо, усталый силуэт у её больничной койки, новые светонепроницаемые шторы, и эта нежность, струящаяся сквозь кончики пальцев...

И сама Цзин Мяои.

Никакой фиктивный парень, никакой деловой брак не имели больше значения.

Она даже начала радоваться, что Цзин Мяои этим сильным, но нежным способом вытащила её из того ребяческого каприза и крепко привязала к своей орбите.

Фен замолчал.

В комнате мгновенно стало тихо.

Цзин Мяои отложила фен и расческой аккуратно причесала её гладкие, блестящие волосы.

На мгновение она замерла, взгляд упал на белую, тонкую шею Гу Чуюй, задержался на секунду.

Затем она встала и произнесла ровным голосом: — Отдыхай пораньше.

— Сестрица Мяои. — Гу Чуюй вдруг окликнула её.

Цзин Мяои остановилась и обернулась.

Гу Чуюй подняла голову. Её глаза, похожие на глаза оленёнка, в свете лампы казались особенно влажными и чистыми. Она тихо спросила: — Ты... завтра утром подбросишь меня к Су Сяо?

Она знала, что завтра утром у Цзин Мяои очень важное заседание совета директоров.

Но ей хотелось спросить, хотелось подтвердить своё место в её планах.

Цзин Мяои посмотрела на неё, почти не раздумывая, и равнодушно ответила: — Мм. Выезжаем в восемь.

Сказав это, она развернулась и вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Гу Чуюй смотрела на закрытую дверь, и её губы помимо воли изгибались в улыбке.

Неугомонный оленёнок в её груди, казалось, наконец нашёл свой дом и радостно запрыгал.

Она снова посмотрела в зеркало. Девушка в отражении покраснелась, взгляд её был наполнен жизнью, в нём сквозила та особая, выпестованная заботой зависимость и кокетливость, которую она и сама не замечала.

Она протянула руку и нежно провела по своим только что высушенным руками Цзин Мяои, гладким, как шёлк, волосам, словно на них всё ещё оставалось тепло и сила тех пальцев.

— Лин Яо... — тихо произнесла она это имя, но оно казалось ей чужим.

Этот мужчина, которого она когда-то использовала как фишку, в её сердце теперь был лёгким, невесомым.

Она даже начала ждать, каким способом Цзин Мяои заставит его полностью исчезнуть из её жизни.

Она знала, что Цзин Мяои обязательно это сделает.

А ей оставалось только послушно оставаться в сети, сплетённой для неё.

Как лягушка в тёплой воде, спокойно наслаждаться постепенно повышающейся температурой, пока не утонет окончательно и бесповоротно.

За окном лунный свет струился, как вода.

В комнате Гу Чуюй обняла одеяло, вдыхая исходящий от волос холодный аромат, принадлежащий Цзин Мяои, и погрузилась в глубокий сон.

Во сне больше не было ледяного взгляда, только тёплая, успокаивающая темнота и фигура, всегда охраняющая её в этой темноте.

<http://bllate.org/book/19581/1920155>